

Цинь Юйхэ плакал все пуще от злости, но слез выдавить из себя не мог, поэтому просто валился на землю, катался по ней и вопил во все горло.

Пока не получил пинок по заднице.

Цинь Юйхэ потеребил ушибленный зад и сердито уставился на того, кто вместо утешения решил наградить его пинком.

Перед ним стоял мальчик — со светлой кожей, темными глазами и холодным выражением лица.

— Заткнись, ты слишком орешь, — сказал мальчик.

А затем протянул ему руку:

— Вставай.

Хлюпая носом, Цинь Юйхэ подумал, что хоть кто-то наконец обратил на него внимание. Если этот мальчик будет к нему добр, он, так и быть, простит ему этот пинок.

Маленькая ручка Цинь Юйхэ сжала ручку мальчика.

Это был первый год.

Нынче пошел одиннадцатый.

Цзян Хуай листал что-то в телефоне, как вдруг услышал вопрос сидевшего впереди Цинь Юйхэ:

— Цзян Хуай, ты помнишь, как все было раньше?

Тот поднял глаза:

— Раньше?

— Угу.

— «Раньше» — это когда? На прошлых летних каникулах?

— Да нет же! — Цинь Юйхэ с досадой обернулся с переднего сиденья. — Я про начальную школу.

— Начальную школу?

Цинь Юйхэ не мигая уставился на Цзян Хуая.

Цзян Хуай усмехнулся:

— Конечно помню. Ты в началке был редкостным придурком... А у тебя что, память прорезалась?

Цинь Юйхэ:

— ...

Цинь Юйхэ отвернулся обратно.

Цзян Хуай сзади неторопливо продолжил:

— Ты в детстве... ужасно раздражал.

Лип до невозможного, как банный лист, и каждый день таскался следом, точно маленький хвостик.

— ...

— Я тогда не раз помышлял отлупить тебя хорошенько, а потом пригрозить, чтобы ты держался от меня...

Цинь Юйхэ вовремя его прервал:

— Цзян Хуай, замолчи.

Цзян Хуай:

— ?

Цинь Юйхэ сказал:

— Будь добр, оставь моему детству хотя бы иллюзию светлых воспоминаний.

Цзян Хуай усмехнулся и действительно не стал продолжать. Он потыкал в экран телефона и спросил:

— Может, заодно и Вэй Хэпина позвать?

— Не надо, — опустил веки Цинь Юйхэ, откинувшись на спинку кресла. — Он все равно не переносит острое. Придет, наестся, а завтра утром опять станет плакаться нам обоим.

Уголок губ Цзян Хуая невольно подскочил вверх. Цинь Юйхэ говорил правду: Вэй Хэпин терпеть не мог острое, но каждый раз, когда они собирались поесть сычуаньский хот-пот, все равно прибегал по первому зову — под предлогом «на халяву и уксус сладок». А на следующий день сидел в туалете и посылал им в WeChat слезливые сообщения, жалуясь на зверские мучения своей задницы.

И в следующий раз все повторялось снова.

Они вышли из машины. В последние дни похолодало, даже днем температура едва достигала одиннадцати-двенадцати градусов.

Цзян Хуай на улице вздрогнул. Цинь Юйхэ покосился на него:

— Ты опять подштанники не надел?

Цзян Хуай промолчал.

Цинь Юйхэ больше ничего не сказал, только снял свой шерстяной шарф и протянул ему:

— Можешь обмотать вокруг ног, я не брезгливый.

Цзян Хуай:

— ...

— Отвали, — Цзян Хуай пихнул Цинь Юйхэ в плечо. — Зайдем — согреемся.

Цзян Хуай и Цинь Юйхэ дружили уже больше десяти лет и знали друг друга настолько хорошо, что каждый заранее знал, что закажет другой. Телефон в кармане Цзян Хуая завибрировал. Усевшись за столик, он бросил планшет для заказа Цинь Юйхэ:

— Заказывай, сынок. Что душа пожелает — папочка всё оплатит.

Цинь Юйхэ принял планшет и привычно отозвался:

— Какой у меня щедрый сынок.

Цзян Хуай достал телефон:

— Пошел ты.

Сообщение в WeChat.

Би-Джей: Что ешь?

Настоящий лидер: Хот-пот.

Би-Джей: Я тоже хочу хот-пот ●° ^°●

Настоящий лидер: Ладно, иди и поешь.

Би-Джей: ?

Цинь Юйхэ незаметно покосился на Цзян Хуая, переписывавшегося с кем-то, и проговорил:

— Соусы надо набрать самим, пойдем со мной... И убери ты телефон.

Цзян Хуай поднял голову:

— А, ладно.

Он бросил телефон на стол и вместе с Цинь Юйхэ пошел к стойке с соусами.

Экран снова вспыхнул.

Би-Джей: Я не хочу идти один.

Минута.

Две минуты.

Три минуты.

Прошло уже много минут, а Бо Цзянь так и не получил ответа от контакта «Цзян Хуайхуай (Облачко)».

Ему показалось, что парень перестал его любить.

Би-Джей: Ты тут?

Би-Джей: Если тут, хоть пискни □

От парня ни слуху ни духу — пропал без вести на целых пять минут.

Когда Цзян Хуай вернулся с соусницей, он увидел, что экран горит: «У вас 18 непрочитанных сообщений».

Цзян Хуай обомлел, поставил пиалу с соусом и разблокировал телефон.

Восемнадцать непрочитанных сообщений он так и не увидел, зато наткнулся на десяток серых уведомлений: «Сообщение отозвано».

Настоящий лидер: ...

Настоящий лидер: Ты что только что присылал?

Би-Джей: Ничего. Ты меня игнорируешь, вот мне и скучно.

Цинь Юйхэ откинулся на спинку диванчика, крутя палочки, словно ручку. Он раздраженно цыкнул и спросил:

— Переписываешься с Бо Цзянем?

Честно говоря, Цзян Хуай всегда считал, что сидеть в телефоне, когда пришел пообедать с другом — полный идиотизм.

У него немного разболелась голова. Он отправил Бо Цзяню: «Значит, тебе делать нечего. Учись давай», — и снова отложил телефон.

— Угу, — отозвался он.

Увидев, что Цзян Хуай отложил телефон, Цинь Юйхэ немного смягчился. Сделав глоток отвара из сушеных слив, он произнес:

— Мне не нравится Бо Цзянь.

— Сразу видно, что он тот еще фрукт, — добавил он.

Цзян Хуай:

— ...

Помолчав немного, тот ответил:

— Вообще-то я тоже так считаю.

Цинь Юйхэ, который с трепетом в душе ждал, что Цзян Хуай, ослепленный любовью, заступится за парня, вспылит и порвет их десятилетнюю дружбу:

— ?

Помолчав долгое время, Цинь Юйхэ наконец выродил мысль:

— Плохих Альф Омеги любят больше?

Цзян Хуай:

— ??

— Цинь Юйхэ, советую тебе следить за языком.

Сказав это, он слегка прищурился и уставился на Цинь Юйхэ:

— Бо Цзянь тебе сегодня что-то наговорил?

Цинь Юйхэ сегодня был сам не свой, и Цзян Хуай это четко видел. Они слишком хорошо знали друг друга.

Старина Цинь с детства был гиперактивным, а вырос — остался с избытком энергии. Каждый раз, возвращаясь в страну на каникулах после десятичасового перелета, без всякой акклиматизации он выглядел бодрее Вэй Хэпина — слабака, который ложился и вставал по расписанию и ходил на танцы на площади ради здоровья. В дороге старина Цинь мог болтать без остановки часа два-три подряд.

А сегодня вдруг онемел: обронил всего пару фраз, да и те невпопад.

Цинь Юйхэ покрутил в руках стеклянный стакан и чуть приподнял веки:

— Вы с Бо Цзянем встречаетесь?

Цзян Хуай замолчал. Спустя некоторое время он сказал:

— Извини.

Цинь Юйхэ обомлел.

Цзян Хуай опустил голову и сделал глоток воды:

— Твой папа с тобой не посоветовался и нашел тебе мачеху. — Он ненадолго замаялся: — Твоя мачеха слаба здоровьем, хорошо учится и совершенно не умеет драться, так что не вздумай с ним лезть в драку.

— ?

Цинь Юйхэ тут же сообразил, в чем дело, и, скрежеща зубами, бросился на него, прижимая голову Цзян Хуая:

— Да пошел ты! Какая еще мачеха?! Даже если вы вместе, Бо Цзянь мне невестка!

Цзян Хуай, прижатый лицом к кожаному дивану, пытался вырваться:

— Блядь, твою мать, мы можем нормально поговорить без рук?! Ты пёс, что ли? Отпусти...

— Назовешь папой — отпущу.

Цзян Хуай не хотел драться с Цинь Юйхэ всерьез, но без честной драки сбросить этого пса не мог: Цинь Юйхэ годами учился захватам и приемам самообороны, и вырваться из его хватки не

удавалось.

— Пошел ты к черту!

— «К черту» не сработает. Назовешь папой — отпущу, — отчеканил Цинь Юйхэ.

Внезапно зазвонил телефон.

Цзян Хуай выругался: «Сука!» — и, тяжело дыша, нащупал телефон:

— Твою мать, отвали... Звонят.

— Быстрее давай, один раз «папа» — и я тут же встану.

Лицо Цзян Хуая было уткнуто в диван, так что экрана он не видел. Он наугад провел пальцем, отвечая на звонок, и перестал сопротивляться. Цинь Юйхэ прижимал его спину, заломив правую кисть, поэтому Цзян Хуаю оставалось лишь плашмя лежать на диване:

— Ладно-ладно, папа, пощади! Я был неправ... Мне надо ответить.

Спор о том, кто кому папа, Цзян Хуай и Цинь Юйхэ вели еще с первого класса.

И чаще всего побеждал Цзян Хуай.

Поэтому обычно, когда Цинь Юйхэ с трудом удавалось заставить Цзян Хуая назвать его папой, он наглел и просил: «А ну-ка скажи еще разок!». Но на этот раз... Цинь Юйхэ словно прозрел: он внезапно замер и ослабил хватку.

Цзян Хуай приподнял веки:

— Ого...

Цзян Хуай тоже затих.

Имя звонившего: Бо Цзянь.

Из динамика донесся прохладный, спокойный голос Бо Цзяня:

— Цзян Хуай, чтобы поесть хот-пот, тебе тоже нужно молить о пощаде папочку?

Автор хочет сказать:

Председатель: Скажи «папочка», и я тебя прощу.

Вторая глава за день.

Братанчики, не волнуйтесь, у старины Цинь нет пары. Этот автор не пишет побочные любовные линии.

Бо Цзянь ничего больше не сказал.

Повесив трубку, он подпер голову рукой и рассеянно перелистнул несколько страниц книги, лежавшей под локтем. Днем он домой не возвращался.

Победа, Цзян Хуай отправился в гостиницу к Цинь Юйхэ.

<http://bllate.org/book/18377/1766627>